

УДК 94(470.331)''16''+325.3''Макарий Калязинский''
DOI 10.26456/vthistory/2022.2.048–060

О РОДОСЛОВНОЙ ПРЕПОДОБНОГО МАКАРИЯ КАЛЯЗИНСКОГО

И.Г. Пономарева

Московский государственный лингвистический университет,
г. Москва, Россия

Информация о первых представителях тверского рода Кожиных содержится в жалованной грамоте великого князя московского Василия II их предку Василию Ананиевичу, выданной за участие в Галицком бою (27 января – начало февраля 1450 г.) против князя Дмитрия Юрьевича Шемяки. В акте, оформленном в Москве 4 февраля 1450 г., сказано, что родоначальник Кожиных выехал из Швеции. Его сын Василий (отец преподобного Макария Калязинского) отличился и получил от великого князя прозвище «Кожа», послужившее основой фамилии его потомков. К настоящему времени документ определен как фальсифицированный. В источниках XVI в. отец святого упоминается с фамилией Кожин. Можно допустить, что постфактум произошло присвоение ему фамилии от прозвища одного из сыновей. В этом случае её происхождение увязывается или с епископом Геннадием Кожей (в родословной Кожиных показан сыном Василия) или с невнесённым в родословную ещё одним его сыном. Летопись Авраамки содержит уникальное известие о московско-тверском союзе в 1450 г. против Шемяки. В составе тверской рати неизвестный сын Василия мог быть участником Галицкого боя, отличиться и получить прозвище, преобразовавшееся в фамилию. В статье также рассмотрены материалы о шведском предке Кожиных, жене и сестре Макария Калязинского.

Ключевые слова: Макарий Калязинский, тверской род Кожиных, великое княжество Тверское, Галицкий бой.

Восстановление раннего родословия русского дворянства, особенно незнатных и провинциальных служилых родов, сопряжено с серьезными затруднениями. Предъявляемая потомками генеалогия страдает мифологизацией как по причине утраты информации, так и вследствие предумышленного «приукрашивания» семейной истории. Родословные легенды «иногда напоминают настоящие повести с развёрнутым сюжетом» и совершенно справедливо как исторический источник «имеют крайне сомнительную ре-

путацию». Вместе с тем, в случае подтверждения сведений из родового предания источниками, оно может послужить исходной точкой для реконструкции истинной истории рода¹.

Впервые родословная Кожиных, чьим самым известным представителем является живший в XV в. Матфей Васильевич, причисленный к святым и известный как преподобный Макарий Калязинский, была представлена среди прочих в генеалогии родов тверских дворян, составленной в 1851–1868 гг. работавшим в дворянском депутатском собрании М. П. Черняховским². Её начальная часть выглядит следующим образом. Родоначальником Кожиных заявлен Георгий Фаренсбах (в крещении Анания). У его сына Василия Кожина и его жены Ирины показаны дети: Матфей (в иноках Макарий, род. в 1401 г.³) – основатель и игумен Троицкого Калязина монастыря, Григорий (в иноках Геннадий) – епископ Тверской в 1461–1477 гг., Александр – служилый человек тверских великих князей, Ксения – мать преподобного Паисия Угличского. Продолжателем фамилии стал только Александр, имевший сына Василия. Эти сведения о Кожиных XV в. воспроизведены во всех последующих изданиях с их генеалогией.

Отражение генеалогии Кожиных историческими источниками.

1-е колено рода.

Фаренсбах – родоначальник Кожиных, представлен таковым в признанной фальсифицированной не позднее 1785 г. жалованной грамоте 1450 г. великого князя Московского Василия II его сыну Василию⁴.

2-е колено рода.

Василий и его жена *Ирина Кожина* упоминаются в «Записке о Макарии Калязинском», протограф которой, предположительно, создан в марте 1524 г.⁵. Текст составлен со слов старицы Евфросинии, названной в тексте женой Василия Кожина.

3-е колено рода.

¹ Бочков В.Н. «Легенды» о выезде дворянских родов // Археографический ежегодник за 1969 г. М., 1971. С. 73–75.

² Чернявский М.[П.]. Генеалогия господ дворян, внесенных в родословную книгу Тверской губернии с 1787 по 1869 год, с алфавитным указателем и приложениями. Тверь, 1869. Л. 97об.–99. № 548; Быкова Л.А. М. П. Чернявский и его труд по генеалогии тверского дворянства // Книжные редкости Публичной библиотеки: сб. науч. тр. Гос. публичной библиотеки им. М.Е. Салтыкова-Щедрина. Л., 1991. Вып. 2. С. 114–127.

³ Гадалова Г.С. Преподобный Макарий Калязинский: История почитания. Исследования и тексты. М., 2020. С. 68.

⁴ Акты социально-экономической истории Северо-Восточной Руси конца XIV – начала XVI в. (далее – АСЭИ). Т. III. М., 1964. С. 193–194. № 178а.

⁵ Крушельницкая Е.В. Записка о Макарии Калязинском // Труды отдела древнерусской литературы. СПб., 1993. Т. 46. С. 309.

Матфей назван сыном Василия и Ирины Кожиных в «Записке о Макарии Калязинском» и его житии, самый ранний из известных списков которого датируется 40-ми гг. XVI в.⁶

Григорий. Светское имя и степень родства известны только по родословной М. П. Черняховского. В тверском летописании присутствует известие о поставлении на архиерейскую кафедру Геннадия Кожина⁷.

Александр Кожин известен по выданной ему в 1453–1461 гг. жалованной грамоте великого князя Тверского Бориса Александровича (1426–1461)⁸.

Ксения. В житии преподобного Паисия Угличского (в миру Павла Ивановича Гавренева), созданном не ранее конца XVI в., Макарий Калязинский назван его стрьем – то есть братом отца⁹.

4-е колено рода.

Василий Александров сын Кожин упомянут в меновой грамоте игуменов Калязина и Духова монастырей, датируемой серединой 1480-х гг.¹⁰

Соотнесение данных родословной и исторических источников ведёт к следующим выводам.

В источниках сведений о родстве Макария Калязинского и Геннадия Кожина нет, но возрастная близость, определяемая временем деятельности, зафиксированные контакты, схожесть фамилии и прозвища позволяют допустить их родство. Так как нет оснований сомневаться в принадлежности Макария Калязинского к роду Кожиных, то нет сомнений и относительно их родства с Александром Кожиним. Отчество и фамилия Василия Александровича Кожина, участие в одной из поземельных сделок Калязина монастыря позволяют видеть в нём сына Александра, а в старице Евфросинии – жену Василия Александровича.

На анахронизмы жития Паисия Угличского историки указывали давно. Особые нарекания вызывала информация о смерти святого в 1504 г. в возрасте 107 лет, что даёт год рождения 1397 и делает невозможным его пострижение в монахи Макарием Калязинским, которому в год пострига Павла было семь лет. Макарий Калязинский (Матфей Васильевич Кожин), названный в житии Паисия Угличского братом его отца – Ивана Гавренева, по определению не может быть ни его братом, ни братом его жены. Следует согласиться с мнением Е.Г. Сосновцевой о приписке родства двух святых¹¹, не исключая некое иное родство Кожиных и Гавренивых.

⁶ Гадалова Г.С. Литературные памятники, посвященные преподобному Макарию Калязинскому // Житие Макария Калязинского: рукописный список Российской государственной библиотеки. М., 2008. С. 75.

⁷ Полное собрание русских летописей (далее – ПСРЛ). М., 2000. Т. 15. Стб. 496.

⁸ АСЭИ. С. 194. № 1786.

⁹ Словарь русского языка XIV–XVII вв. М., 2008. Вып. 28. С. 186; Сосновцева Е.Г. Житие Паисия Угличского: Исследование и тексты. М., 2020. С. 205.

¹⁰ АСЭИ. Т. III. С. 175. № 160.

¹¹ Сосновцева Е.Г. Указ.соч. С. 67–69.

О жалованной грамоте Василию Ананиевичу

Подлинник грамоты был явлен Кожиными в Кашинскую дворянскую опеку. Снятая с неё сохранившаяся копия была засвидетельствована уполномоченными лицами 7 августа 1785 г., видимо, при предъявлении или вскоре после него. Можно думать, что фальсификация документа произошла незадолго до этого. Согласно тексту грамоты, она выдана Василием II 4 февраля 1450 г. В ней написано, что выехавший «из шведы» Бахты Фрянц крестился и принял имя Анания. Его сын Василий, участвуя в бою «в Галичи» на стороне московского великого князя против мятежного галицкого князя Дмитрия Юрьевича Шемяки и преследуя его со своим полком до Новгорода, убил под ним коня, в доказательство чего привез трофеи: княжеские лук, палаш и часть конской кожи. Московский великий князь отличил Василия, выдав ему грамоту с пожалованием земель, в числе которых было ставшее родовым сельцо Гретьково (позднее – Кожино), и наделив прозвищем Кожа.

Первые публикации текста грамоты в пересказе были сделаны в XVIII в.¹² Издатель журнала «Гербовед» С. Н. Тройницкий, сообщивший, что в июне 1786 г. Кожины представили в Московское дворянское депутатское собрание описание происхождения своего рода, похоже, пообщался с ними и ознакомился с какими-то материалами, так как в его журнале легенда изложена подробнее, чем это сделано в акте. В его изложении служивший Витовту лифляндский воевода Георгий Фаренсбах, будучи посланным к московскому великому князю Василию I, со своим отрядом напал на его крепости и по этой причине был задержан в Москве. В это время начался поход хана Едигея. Великий князь послал воеводу в Швецию для набора наемников. Выполнив задание, Фаренсбах принял участие в боевых действиях на русской стороне, проявил храбрость, воинское искусство и верность. С.Н. Тройницкий также сообщает, что в ходе разысканий Кожины узнали о существовании недалеко от Кёльна (Вестфалия) родового замка Фаренсбахов и отыскиали их герб в Литовском гербовнике¹³.

Георгий Фаренсбах – лицо историческое. С информацией о нём и его роде можно ознакомиться в Википедии в статьях на нескольких языках. Фаренсбахи жили в Вестфалии. В 1385 г. Вильгельм Фаренсбах, являясь племянником Винриха фон Книпроде (великого магистра Тевтонского ордена в 1351–1382 гг.), приехал на территорию современной Эстонии и стал фогтом Курессааре (замок и одноименные город и остров Моонзундского архипелага). Если бы Кожины были потомками Фаренсбахов, то переход их предка на службу к тверскому великому князю мог состояться только в период с

¹² С[оковнин] С. Опыт исторического словаря о всех в истинной греко-российской вере святою непорочною жизнью прославившихся святых мужах. М., 1784. С. 142–143; Общій гербовник. СПб., 1798. Ч. 1. С. 52.

¹³ Тройницкий С.Н. Герб Кожиных // Гербовед. 1913. Май. С. 87–90. Эта же версия: Румель В. В., Голубцов В.В. Родословный сборник русских дворянских фамилий. СПб., 1886. Т. I. С. 380. Вариант легенды с приездом Фаренсбаха от Витовта см. также: Чернявский М.П. Указ.соч. Л. 99–100.

1385 г. до начала XV в. – время рождения Макария Калязинского, и совершить его могли его дед или отец.

Кожины XVI в. не могли определить предком Георгия Фаренсбаха, родившегося в 1551 г. Очевидно, что их потомки приписали себе родство с ним много позже. Сподвигнуть их к этому могли два обстоятельства. Сообщение жития Макария Калязинского из Пролога¹⁴ о западном происхождении святого («бысть убо от западных стран») и распространение в служилой среде представлений о престижности иноземного происхождения, с XVII в. таковым становится именно «западное». Признать «западное» происхождение рода только выдумкой Кожиных по репутационным соображениям мешает включение соответствующей информации в Проложное житие, списки которого получили распространение с середины XVI в.¹⁵, когда «западное» происхождение еще не было актуальным.

Г.С. Гадалова называет 3 причины включения этой информации в Проложное житие его автором: отсутствие у автора жития генеалогических сведений о Макарии, отражение генеалогических пристрастий того времени и знакомство с грамотой Василию Коже¹⁶.

Первая из названных причин – допустима, но спорно при этом, что недостаток сведений восполнен произвольным домыслом. Вторая причина также допустима: автор жития был подвержен влиянию веяний в служилой среде, но обращение к древнейшей из родословных книг XVI в. (Румянцевская редакция родословных книг датируется 40-ми гг. XVI в.¹⁷) показывает, что выходцы из «западных» регионов при определении прародин не использовали формулировку «от западных стран». В старейшем списке редакции (1550 – начало 1560-х гг.¹⁸) претендовавшие на такое происхождение Морозовы, Ратшичи, Кутузовы, Протасьевичи/Вельяминовы, Беклемишевы, Меликовы названы выходцами «из немец». Заслуживает внимания информация из родословной родственников Кожиных Бороздиных¹⁹, о которых сказано, что они прибыли из Литвы²⁰. По родословию Бороздиных, их предок выехал в правление Ивана Михайловича Тверского (1399–1425 гг.), но по поколенной росписи выезд мог состояться в XIII в., и это правдоподобно,

¹⁴ Гадалова Г.С. Преподобный Макарий Калязинский: История почитания. Исследования и тексты. С. 691–714.

¹⁵ Там же. С. 692, 703.

¹⁶ Там же. С. 698.

¹⁷ Кучкин В.А. Вельяминовы на службе у московских князей в XIV – начале XV вв. // Кулешов А.С. Аксаковы. История разбитых судеб. М., 2009. С. 276. С. 269–306).

¹⁸ Хоруженко О.И. Вопросы текстологии Румянцевской редакции родословных книг // Древняя Русь. Вопросы медиевистики. 2020. № 3 (81). С. 185–203.

¹⁹ О родстве двух родов см.: Древнерусские патерики: Киево-Печерский патерик, Волоколамский патерик. М., 1999. С. 92–93.

²⁰ Румянцевская редакция родословных книг. С. 156.

судя по высокому статусу рода в начале XV в.²¹ Кожины могли быть младшей ветвью Бороздиных, тогда указание на западное происхождение увязывается с выездом рода с территории великого княжества Литовского.

Что касается грамоты Василию Коже, то, как было показано, она скорее всего сфабрикована в XVIII в.

Ценно наблюдение Г.С. Гадаловой о параллели с житием Исидора Твердислова, в котором говорится, что он «от западныхъ оубо стран». Житийной литературе присущи заимствования, и, если предположение о связи Кожинных с Литвой неверно, тогда известие жития о западных корнях Макария Калязинского объяснимо заимствованием.

Первый публикатор грамоты Н.А. Полевой, размышляя о её достоверности, склонялся к признанию подлинности акта, но адресовал окончательное решение будущим исследователям, ссылаясь на недостаток источников²². О подложности грамоты в связи с Фаренсом Бахом писали И.С. Белюстин и С.Н. Троицкий. Н.П. Лихачев определил грамоту как «составную», т. е. поддельную, либо включающую поздние вставки. Сомнения на её счёт возникли у Б.С. Веселовского, А.А. Зимин прямо признал подделку, его аргументацию дополнил В.А. Кучкин²³.

О подложном характере документа свидетельствует целый ряд признаков. В жалованные грамоты, чей московский великокняжеский формуляр в основном сложился к середине XV в., не было принято включать родовые легенды. К тому же размещённая в этом акте имеет явные следы позднего происхождения: уникален для XV в. выезд родоначальника из Швеции, палаш – не известный вид оружия в то время. Из факта выдачи Василием II грамоты Василию Ананиевичу следует, что тот был служилым человеком московского князя, но это противоречит данным о проживании Кожинных XV в. в Тверском княжестве. Василий II не мог жаловать служилому человеку великого князя Тверского его земли. Ко всему прочему, в день выдачи документа Василий II не был в Москве, где, как следует из грамоты, она была оформлена. Грамоту трудно связать с Василием – отцом Макария Калязинского, родившегося в начале XV в., так как придётся признать, что отец Макария воевал и геройствовал в 70-летнем возрасте.

²¹ Кузьмин А.В. На пути в Москву: очерки генеалогии военно-служилой знати Северо-Восточной Руси в XIII – середине XV в. М., 2014. Т. I. С. 252–262.

²² Русская вивлиофика, или собрание материалов для отечественной истории, географии, статистики и древнейшей русской литературы. М., 1833. Т. 1. С. 490–491. Комментарий. С. 189–198.

²³ Белюстин И.С. Записка о городе Калязине // Архив исторических и практических сведений, относящихся до России. СПб., 1861. Кн. 2. Отд. 3. С. 16–17; Троицкий С.Н. Указ.соч. С. 87–90; Лихачев Н.П. Разрядные дьяки XVI века. СПб., 1888. С. 431; Веселовский С.Б. Село и деревня в Северо-Восточной Руси XIV–XVI вв. М.; Л., 1936. С. 59; Зимин А.А. К изучению фальсификации актовых материалов в русском государстве XVI–XVII вв. // Труды МГИАИ. М., 1963. Т. 17. С. 410–411; Кучкин В.А. Формирование государственной территории Северо-Восточной Руси в X–XIV вв. М., 1984. С. 161; Гадалова Г.С. Указ.соч. С. 61–65.

При всём этом в Кашинскую дворянскую опеку через полгода после предъявления грамоты Василия II был представлен подлинник (с него также была снята сохранившаяся копия) жалованной купчей грамоты, выданной великим князем Тверским Борисом Александровичем (1426–1461 гг.) Александру Кожину²⁴, согласно родословной, брату Макария Калязинского. Ею оформлялась покупка Александром за солидную сумму (50 рублей) у великого князя села Настасовского (одноимённого великой княгине, возможной владелице земель) с тянувшими к нему тремя сельцами и тремя пустошами. Упоминание в акте великой княгини Анастасии и её сына Михаила относит сделку к 1453–1461 гг. Документ выглядит абсолютно благонадёжным. Это заставляет присмотреться к жалованной грамоте Василию Ананиевичу внимательнее. Отнестись к ней как к не имеющей исторической ценности подделке не позволяет также упоминание реальных событий.

Из летописей известно, что в конце 1449 – начале 1450 г. Василий II предпринял поход на Галич против князя Дмитрия Юрьевича Шемяки. Московские войска подошли к городу 27 января. Осада вылилась в кровопролитное сражение («бысть сеча зла»). Шемяка едва убежал с поля боя и направился в Новгород²⁵. Известия московского великокняжеского летописания дополняет летопись Авраамки. Она появилась в конце 60-х – начале 70-х годов XV в.²⁶ всего через пару десятков лет после описываемых событий. Доверие к летописи прибавляет её происхождение из Новгорода, куда прибежал Шемяка. В частности, в ней приводится дата его приезда – 2 апреля. В летописи после сообщения о походе на Галич сказано: «А князь великий Василий Васильевич съодиначился с великимъ княземъ Борисомъ Олександровичомъ на Дьмитрія князя»²⁷ (В летописи Авраамки есть и ещё одно дополнение к информации московского летописания: сообщение об участии в походе на Галич татар). Информация о союзе московского и тверского князей и сведения о совместных боевых действиях против Шемяки в 1446–1447 гг. делают участие тверского войска в Галичском бою в 1450 г. вполне реальным.

Получается, что, хотя грамота Василию Ананиевичу, несомненно, была создана по заданию кого-то из Кожиных, её составители явили впечатляющую осведомленность о событиях XV в. Знание Кожиными или исполнителями их заказа о походе на Галич и бегстве Дмитрия с поля боя в Новгород не удивляет, как и дата составления акта – 4 февраля. Об этих событиях можно было прочесть в официальном московском летописании, отражённом в разных сводах и доступном для подвизавшихся на ниве подделок документов профессионалов. Удивляет то, что в акт попало уникальное известие о московско-тверском союзе. Теоретически составители акта могли

²⁴ АСЭИ. Т. III. С. 194. № 1786.

²⁵ ПСРЛ. М.; Л., 1949. Т. 25. С. 270–271.

²⁶ Кюсс Б. М. Предисловие к изданию 2000 г. // ПСРЛ. СПб., 1889. Т. 16. С. V–VI.

²⁷ ПСРЛ. М., 2000. Т. 16. Стб. 192.

располагать недоступными нам источниками, но, скорее всего, поставщиками этой части исторической информации были Кожины, опиравшиеся на родовое предание и, может быть, на настоящую (утраченную?) грамоту.

Интерпретация представленных материалов ведёт к следующим выводам. Фамилии, производные от имени нарицательного, возникают в результате закрепления за родом притяжательной формы прозвища, полученного одним из его членов. Наличие у Кожиных предка с прозвищем Кожа несомненно. Если оно появилось при обстоятельствах, не имеющих отношения к истории с конем Шемяки, тогда непонятны как информированность создателей акта о событиях 1450 г., так и привязка к ним прозвища, что как раз вполне объясняет признание факта участия в них одного из членов рода, только не Василия – отца Макария Калязинского. Этот неизвестный мог отличиться под Галичем, возможно, действительно преследовал Шемяку и едва не захватил его. Далее могла последовать выдача Борисом Александровичем Тверским жалованной грамоты обычного формуляра или с кратким изложением повода. Если это так, то Кожины, утратив грамоту, но помня более или менее ее содержание, воспроизвели документ, внося бытовавшее в роду предание, украсив его текст в духе своего времени.

О времени появления прозвища и его первом носителе.

Кожиными старица Евфросиния называет родителей Макария Калязинского. В Волоколамском патерике со ссылкой на Иосифа Волоцкого, встречавшегося с Макарием Калязинским, сказано, что его «прародителие» «нарицаеми Кожины»²⁸. Оба свидетельства принадлежности фамилии отцу Макария Калязинского зафиксированы через несколько десятков лет после смерти родителей святого, но со слов людей с ним встречавшихся. Достоверно первым носителем фамилии определяется Александр Кожин, записанный таковым в жалованной грамоте 1453–1461 гг. (что примечательно – после 1450 г.). С учётом ранее высказанного предположения о возможности некоего эпизода с участием члена рода в Галицком бою можно предположить, что полученное прозвище стало фамильным и быстро закрепилось за родом. Если это так, то просматриваются два возможных его носителя.

1. Геннадий – как самый выдающийся для современников член рода (если только он действительно был таковым). Ясно, что его прозвище не имеет отношения к событиям 1450 г. Связь Геннадия с какой-либо схожей историей из его мирской жизни маловероятна. Во-первых, в грамоте носителем прозвища назван Василий. Во-вторых, по наблюдениям А.С. Усачева, поставление в настоятели обители, тем более кафедры, как правило, предполагало долгое служение церкви, сопровождавшееся приобретением знаний и опыта, чему предшествовал ранний уход в монастырь²⁹. Впрочем, нельзя не признать возможность военной службы Геннадия в молодости. Так как

²⁸ Древнерусские патерики: Киево-Печерский патерик, Волоколамский патерик. М., 1999. С. 92.

²⁹ Усачев А.С. Почему закончилась «Волоколамская гегемония» в Русской церкви XVI в.? // Российская история. 2017. № 5. С. 105–109.

Геннадий стал епископом, а Макарий – основателем монастыря и игуменом, то первый мог быть старшим из братьев, что изначально подразумевало продолжение дела отца, и, таким образом, Геннадий мог до пострига послужить великому князю. Родословие приписывает ему светское имя Григорий, правда, источниками не подтверждаемое. В жалованной грамоте Василия II фигурирует старое название родового села Кожиных – Гретьково, восходящее к гипокористической форме имени «Григорий» – «Греть», вероятно, принадлежавшего кому-то из Кожиных, но всё-таки едва ли Геннадию. (С XV в. на Руси устанавливается обычай имянаречения при постриге с совпадением первых букв мирского и монашеского имен. Раньше новое имя по преимуществу давали по святцам, бралось имя святого, память которого приходилась на день пострига³⁰). Принимая во внимание практику при имянаречении обращаться к родовым именам, совпадение мирского имени Геннадия с названием родового села может косвенно подтверждать его принадлежность к роду Кожиных.

2. Более вероятным носителем прозвища может быть не зафиксированный родословием член рода.

В жалованной грамоте 1453–1461 гг. Александр Кожин записан без отчества, что говорит о его молодости. Упоминания Василия Александрова сына Кожина в акте середины 1480-х гг. и, надо думать, его вдовы инокини Евфросинии в 1524 г. показывают Александра лет на 30 младше Матфея, единственного из ранних Кожиных, чьё время рождения примерно устанавливается – начало XV в. Маловероятно, что он и Александр были братьями, скорее дядей и племянником.

Из жития Макария Калязинского известно, что до пострига он был женат. Имя жены (Елена Яхонтова) первым назвал С.П. Соковнин без указания источника информации³¹ (С. П. Соковнин приводит ещё один факт, отсутствующий в житии – о смерти родителей Матфея через год после его брака). Так как он, похоже, общался с Кожиными, то, видимо, об этом он узнал от них. Яхонтовы – потомки Ивана Константиновича Яхонта из тверского боярского рода Левашовых. Деятельность братьев Яхонта прослеживается в 40-е – 80-е гг. XV в.³², тогда же, видимо, жил и он сам. Брак Матфея с представительницей рода Яхонтовых, состоявшийся около 20-х гг., хронологически невозможен. Г.С. Гадалова предположила, что Елена непосредственно принадлежала к роду Левашовых, но вряд ли это так. Яхонтовых, как младшую ветвь рода, могли соотнести с Левашовыми, но никак не наоборот. Остаётся предположить, что Елена была замужем не за Макарием, а за кем-то из его рода, жившим в середине – второй половине XV в. Её му-

³⁰ Успенский Б.А., Успенский Ф.Б. Иноческие имена на Руси. М., 2017. С. 100–101.

³¹ [Соковнин С. П.]. Опыт исторического словаря о всех в истинной греко-российской вере святою непорочною жизнью прославившихся святых мужах. М., 1784. С. 143.

³² Руммель В.В., Голубцов В.В. Родословный сборник русских дворянских фамилий. С. 519–520; ПСРЛ. Т. 15. Стб. 493 (Василий Константинович – при Борисе Александровиче Тверском); Кузьмин А.В. Указ. соч. С. 301.

жем мог быть Александр или его сын Василий. Иноческое имя жены последнего – Евфросиния. Совпадение первой буквы её монашеского имени и Елены Яхонтовой, возможное время жизни последней наводят на мысль о том, что это одна и та же женщина.

Итак, если кто-то из Кожиных получал жалованную грамоту в 1450 г. за участие в Галицком бою, то это был отец Александра, который мог носить распространённое в то время имя Василий. Он мог быть старшим из братьев и потому получить имя отца как родовое (сын Александра также был Василием). Как старший в роду, Василий Васильевич должен был, подвизавшись на военном поприще, продолжить дело отца и свой род.

Итоги

Если Кожины являлись одной из младших ветвей Бороздиных, то их предки выехали в Тверь с территории великого княжества Литовского.

Если верны свидетельства старицы Евфросинии и Иосифа Волоцкого о том, что родители Макария Калязинского носили фамилию Кожины, то тверской епископ Геннадий Кожа не был ни их сыном, ни членом их рода.

Если же фамилия появилась в середине XV в., то она могла произойти от прозвища двух лиц: самого выдающегося в то время члена рода – епископа Геннадия, при признании верности родословной Кожиных, или (что предпочтительнее) выпавшего из родового счёта, вероятно, из-за одинакового имени с отцом, брата (старшего?) Макария Калязинского, являвшегося отцом Александра Кожина. Он, как участник военных действий под Галичем в 1450 г. или каких-то иных, после некоего яркого боевого эпизода мог получить прозвище, превратившееся в фамилию его рода.

В любом случае у Василия и Ирины (Кожиных?), похоже, было только два сына: (возможно, старший) Василий и Матфей.

Список литературы:

1. Бочков В.Н. «Легенды» о выезде дворянских родов // Археографический ежегодник за 1969 г. М.: Наука, 1971. С. 73–93.
2. Быкова Л.А. Родословные книги Тверской губернии 1785–1917 гг. как источник по истории русского провинциального дворянства: автореф. дисс.... канд. ист. наук. М.: ТвГУ, 1993. – 32 с.
3. Быкова Л.А. М. П. Чернявский и его труд по генеалогии тверского дворянства, в кн.: Книжные редкости Публичной библиотеки. Сб. науч. тр. Гос. публичной библиотеки им. М.Е. Салтыкова-Щедрина. Л., 1991. Вып. 2. С. 114–127.
4. Веселовский С.Б. Село и деревня в Северо-Восточной Руси XIV–XVI вв. М.; Л.: Гос. соц.-экон. изд-во, 1936. – 166 с.
5. Гадалова Г.С. Литературные памятники, посвященные преподобному Макарию Калязинскому // Житие Макария Калязинского: рукописный список Российской государственной библиотеки. М.: Типография «Новости», 2008. С. 70–83.
6. Гадалова Г.С. Преподобный Макарий Калязинский: История почитания. Исследования и тексты. М.: Индрик, 2020. – 920 с.

7. Зимин А.А. К изучению фальсификации актовых материалов в русском государстве XVI–XVII вв. // Труды МГИАИ. М.: МГИАИ, 1963. Т. 17. С. 399–428.
8. Кузьмин А.В. На пути в Москву: очерки генеалогии военно-служилой знати Северо-Восточной Руси в XIII – середине XV в. М.: Рукописные памятники древней Руси, 2014. Т. I. – 336 с.
9. Кучкин В.А. Вельяминовы на службе у московских князей в XIV – начале XV вв. // Кулешов А. С. Аксаковы. История разбитых судеб. М., 2009. С. 269–306.
10. Кучкин В.А. Формирование государственной территории Северо-Восточной Руси в X–XIV вв. М.: Наука, 1984. – 349 с.
11. Крушельницкая Е. В. Записка о Макарии Калязинском // Труды Отдела древнерусской литературы. СПб.: Дмитрий Буланин, 1993. Т. 46. С. 308–314.
12. Сосновцева Е.Г. Житие Паисия Угличского: Исследование и тексты. М.: Издательский Дом ЯСК, 2020. – 288 с.
13. Усачев А.С. Почему закончилась «Волоколамская гегемония» в Русской церкви XVI в.? // Российская история. 2017. № 5. С. 97–113.
14. Успенский Б.А., Успенский Ф.Б. Иноческие имена на Руси. М.: Институт славяноведения РАН. СПб.: Нестор-История, 2017. – 344 с.
15. Хоруженко О.И. Вопросы текстологии Румянцевской редакции родословных книг // Древняя Русь. Вопросы медиевистики. 2020. № 3 (81). С. 185–203.

Об авторе:

ПОНОМАРЕВА Ирина Гавриловна – кандидат исторических наук, доцент, кафедра исторических наук и архивоведения, Московский государственный лингвистический университет (Россия, 119034, Москва, ул. Остоженка, д. 38), e-mail: vasilii_ii@mail.ru

ON THE GENEALOGY OF VENERABLE MACARIUS OF KALYAZIN

I. G. Ponomareva

Moscow State Linguistic University, Moscow, Russia

Information on the first members of the Kozhin clan of Tver is contained in the жалованная грамота granted by the Grand Duke of Moscow to their ancestor Vasily Ananyevich for his participation in the battle of Galich (the 27th of January – beginning of February 1450) against Prince Dmitriy Yurievich Shemyaka. The act оформленный in Moscow on the 4th of February 1450 states that the progenitor of the Kozhins arrived from Sweden. His son Vasily (the father of Venerable Macarius of Kalyazin) distinguished himself and was given a nickname Kozha which evolved into the surname of his descendants. By now the document has been identified as falsified. In

the sources of the 16th century the father of the saint is mentioned under the surname of Kozhin. It is possible that this surname had been ascribed to him retroactively on the basis of the nickname of a son of his. In such a case its origin may be associated with two persons: 1) bishop Gennady Kozha, a son of Vasily according to the genealogy of the Kozhins; 2) another son of Vasily which is not included in the genealogy. The Chronicle of Avraamka contains a unique report about the Moscow-Tver alliance of 1450 against Shemyaka. An unknown son of Vasily could have participated in the battle of Galich as a part of the Tver troops distinguishing himself and receiving a nickname which evolved into a surname. The article also discusses the materials about the Swedish ancestor of the Kozhins, the wife and the sister of Macarius of Kalyazin.

Keywords: Principality of Tver, Macarius of Kalyazin, Tver family of Kozhins, the Galich battle.

About the author:

PONOMAREVA Irina Gavrilovna – The Candidate of History, Assistant Professor, Moscow State Linguistic University, 119034, Moscow, Ostozhenka st., 38; Research interests: medieval history of Russia; vasiliiy_ii@mail.ru

References:

- Bochkov V.N., «*Legendy*» o vyezde dvoryanskikh rodov, Arkheograficheskiy ezhegodnik za 1969 g, M., Nauka, 1971, S. 73–93.
- Bykova L.A., *Rodoslovnye knigi Tverskoi gubernii 1785–1917 gg. kak istochnik po istorii russkogo provintsial'nogo dvoryanstva*, Avtoreferat dissertatsii na soiskanie uchenoi stepeni kandidata istoricheskikh nauk, M., TvGU, 1993. – 32 s.
- Bykova L.A., *M.P. Chernyavskii i ego trud po genealogii tverskogo dvoryanstva*, Knizhnye redkosti Publichnoi biblioteki, Sb. nauch. tr. Gos. publichnoi biblioteki im. M.E. Saltykova-Shchedrina, L., 1991, Vyp. 2, S. 114–127.
- Veselovskii S.B. *Selo i derevnya v Severo-Vostochnoi Rusi XIV–XVI vv.*, M., L., Gos. sots.-ekon. izd-vo, 1936. – 166 s.
- Gadalova G.S., *Literaturnye pamyatniki, posvyashchennye prepodobnomu Makariyu Kalyazinskomu*, Zhitie Makariya Kalyazinskogo: rukopisnyi spisok Rossiiskoi gosudarstvennoi biblioteki, M., Tipografiya «Novosti», S. 70–83.
- Gadalova G.S., *Prepodobnyi Makarii Kalyazinskii: Istoriya pochitaniya. Issledovaniya i teksty*, M., Indrik, 2020. – 920 s.
- Zimin A.A., *K izucheniyu fal'sifikatsii aktovykh materialov v russkom gosudarstve XVI–XVII vv.*, Trudy MGIAI, M., MGIAI, 1963, T. 17, S. 399–428.
- Kuz'min A.V. *Na puti v Mockvu: ocherki genealogii voenno-sluzhiloj znati Severo-Vostochnoi Rusi v XIII – seredine XV v.*, M., Rukopisnye pamyatniki drevnei Rusi, 2014. T. I. – 336 s.
- Kuleshov A.S., *Aksakovy. Istoriya razbitykh sudeb*, M., 2009, S. 269–306.

- Kuchkin V.A., *Formirovanie gosudarstvennoi territorii Severo-Vostochnoi Rusi v X–XIV vv.*, M., Nauka, 1984. – 349 s.
- Krushel'nitskaya E.V., *Zapiska o Makarii Kalyazinskom*, Trudy Otdela drevne-russkoi literatury, RAN, In-t russkoi literatury (Pushkinskii Dom), SPb., Dmitrii Bulanin, 1993, T. 46, S. 308–314.
- Sosnovtseva E.G., *Zhitie Paisiya Uglichskogo: Issledovanie i teksty*, M., Izdatel'skii Dom YaSK, 2020. – 288 s.
- Usachev A.S. *Pochemu zakonchilas' «Volokolamskaya gegemoniya» v Russkoi tserkvi XVI v.?*, Rossiiskaya istoriya, 2017, № 5, S. 97–113.
- Uspenskii B.A., Uspenskii F.B. *Inocheskie imena na Rusi*, M.: Institut slavyanovedeniya RAN, SPb., Nestor-Istoriya, 2017. – 344 s.
- Khoruzhenko O.I., *Voprosy tekstologii Rumyantsevskoi redaktsii rodoslovnykh knig, Drevnyaya Rus'. Voprosy medievistiki*, 2020, № 3 (81). S. 185–203.

Статья поступила в редакцию 24.12.2021 г.